

Глава 12. Радуга и обет

Транзитный пункт — это романтичный Курорт Побережья Заката...

Черта с два!

Обычная деревенская глушь на окраине Абrikосовых полей. Вон даже дымок из далеких печных труб приветливо вьется, точно виляет хвостом.

Абрикосовые поля — так зовется этот холмистый край. Горы здесь отливают красно-бурой охрой, пологие склоны подернуты золотистой глиной, а среди скудной зелени чаще всего попадаются приземистые дикие абрикосы да кленовые рощи, полыхающие круглый год багровым пожаром. За этот вечный багрянец округу исстари прозвали иначе — Красные поля.

Здесь нет ни древних руин, ни знаменитых видов, способных привлечь праздных зевак. Простая, неприметная глушь, Богом забытый угол, о котором никто бы и не вспомнил, не лежи он точнехонько посредине между двумя великими полисами — Цзиньлином и Городом Сияющей Ночи.

И все же на штабных картах Красные поля занимали особое, стратегически важное место.

Сейчас сквозь бурьян и густые заросли дикой травы бесшумно пробирался вооруженный отряд.

Трое дозорных в голове колонны раздвигали стволами винтовок и электрошокерами багровые стебли, вздымавшиеся выше пояса, прокладывая тропу для остальных. Замыкающие — человек пять-шесть — двигались медленнее всех, аккуратно укладывая в примятый бурьян разведывательные мины. Командир отряда взобрался на огромный валун, прижал к глазам бинокль и, осмотрев горизонт, негромко свистнул.

— Мать божья, ну и красавица, — выдохнул он. — Женился бы на ней, ей-богу!

Солдаты с любопытством уставились вперед. Без оптики им была видна лишь серая, похожая на песчаный холм насыпь. Из довоенных отчетов они знали, что этот «холм» — полузаброшенный форпост. Но командир, судя по всему, восхищался не им, а легендарным колоссом, застывшим неподалеку. Это был «Непобедимый» — экспериментальный сухопутный сверхтяжелый танк с ядерным реактором, на разработку которого когда-то угрохали колоссальные средства. Машина погибла в своем же первом бою много лет назад, во время приграничной стычки, так и не успев задействовать свою уникальную энергоустановку, о которой в те годы трубил весь военный мир. Танк пал смертью храбрых в дебютной схватке, превратившись в памятник несбывшимся надеждам конструкторов.

Однако недавно поползли слухи, будто на эту грудку мертвого железа кто-то положил глаз.

Но как утащить такую махину? Разве что запустить реактор и уехать своим ходом, ведь ни один подъемный кран в мире не сдвинет ее с места.

Лейтенант Хэ Сию замороженно разглядывал спящего исполина сквозь окуляры. Теперь он прекрасно понимал безумцев, решивших вернуть его к жизни.

Даже скованный вечным сном, «Непобедимый» внушал трепет, излучая дремлющую, первобытную мощь.

— Так оставайтесь здесь насовсем, командир! — хохотнул кто-то. — А мы будем исправно возить вам паек и теплое белье.

— Точно! Полковник Рейас как-то ворчал, что этот пост давно пора прибрать к рукам. Вот вам и назначение, капитан! Ха-ха...

Дословно полковник Рейас выразился куда жестче: «Если на стратегическом объекте нет даже захудалого часового, нечего удивляться, что туда лезут всякие радикалы!»

Бойцы всю зубоскалили. Хэ Сию не мешал им: он терпеть не мог казенную муштру и предпочитал, чтобы подчиненные шли в бой с легким сердцем и щепоткой здорового пофигизма.

Опустив бинокль, Хэ Сию мечтательно прищурился:

— А что, мысль неплохая. Служба не пыльная, с голоду не помрешь, тишина, покой... — Но тут же лицо его разочарованно вытянулось. — Одно худо — выпить не с кем. Скуотища.

— Командир, да разве это проблема? Зовите нас, мигом примчимся!

— Скажите на милость, какие преданные, — хмыкнул Хэ Сию.

— А то! Столько лет лямку вместе тянем. Вы только свистните, шеф, все как один притопаем! — гаркнул круглолицый здоровяк.

Хэ Сию спрыгнул с валуна и шутливо отвесил шутнику подзатыльник:

— Языком чесать ты горазд, толстяк.

Тот добродушно ухмыльнулся:

— Да я ж серьезно, босс. Скажите слово — и парни костями за вас лягут.

Взгляд лейтенанта на мгновение потеплел, но тут же подернулся дымкой затаенной грусти. Он строго прищурился:

— Ладно, кончайте юлить. Выкладывайте, чего вам надо. Не думайте, что я слепой.

Солдаты переглянулись. Толстяк в замешательстве почесал затылок, не решаясь говорить. Остальные тоже стыдливо отвели глаза.

— Чего вы замялись, как девки на выданье?! — рассердился Хэ Сию. — Выкладывайте живее, твою мать!

— Командир! — Наконец из строя шагнул самый молодой боец, сержант Лиэнь. — Мы все знаем.

Фраза прозвучала двусмысленно. Лейтенант Хэ почесал за ухом, разыгрывая искреннее недоумение:

— И что же вы знаете?

Толстяк бесцеремонно задвинул неопытного юнца обратно в шеренгу. Вместо него вперед вышел заместитель командира, младший лейтенант Гао Цинь. Он встал перед Хэ Сию, глядя на него со смесью обиды и упрёка:

— После этой операции вас переводят в другую часть. Ведь так?

Русоволосый лейтенант на мгновение застыл, а затем глухо выдавил:

— Да... Есть такое.

Они стояли плечом к плечу на перроне, провожая глазами поезд, уползающий вдаль по извилистым рельсам. Прохладный ветер трепал их темные волосы.

— И что теперь делать?

— Снимем комнату в гостинице, разумеется.

— Что?! В гостинице? — Шангуань Цицзе долго сдерживался, но взрывной темперамент все же взял верх. Он вскипел: — И сколько ты намерен здесь проторчать?!

Ситу Кун небрежно закинул лямку рюкзака на плечо и смерил спутника ленивым взглядом:

— Столько, сколько потребуется. Не переживай, все расходы я беру на себя.

Цицзе злобно цыкнул сквозь зубы и догнал его, яростно зашептав на ухо:

— Дело не в деньгах, кретин! Какого черта нам торчать в этой дыре? Мировой чемпионат начинается через неделю, а ведь тебе нужно отметиться за три дня до старта!

— Ай-яй-яй, — Ситу Кун погрозил ему пальцем и притворно вздохнул. — Мог бы и не напоминать. Моя цель — забрать чемпионский пояс в четвертый раз подряд. Я не для того тренировался, чтобы дисквалифицироваться из-за опоздания.

— Тогда какого дьявола ты задумал? — совсем запутался Цицзе. — Что у тебя на уме?

— О-хо-хо... — картинно вздохнул Ситу Кун, глядя в небо. — Для начала нам нужно где-то бросить кости, а потом сытно пообедать. Расслабься. Хватит натягивать нервы как струны. Жизнь создана для удовольствий.

«Жизнь создана для удовольствий...»

Босс тоже частенько повторяла эту фразу, но из уст Ситу Куна она звучала совсем иначе. Каждый хочет наслаждаться жизнью, вот только у некоторых это право отобрали. Например, у него. Разве у него, у Шангуаня Цицзе, осталось хоть какое-то право на простое человеческое счастье?

И чья в том вина?!

Ситу Кун уже приближался к эскалатору. Его беспечный, вальяжный вид взбесил черноволосого лейтенанта. Не помня себя от ярости, Цицзе рванулся следом.

— Да начни ты наконец вести себя серьезно! — Цицзе мертвой хваткой вцепился в воротник Ситу Куна.

Ступени эскалатора плавно скользили вниз. Ситу Кун стоял на ступеньку ниже, так что Цицзе нависал над ним, крепко зажав ткань у его горла.

Ситу Кун в ответ лишь одарил его насмешливым, оценивающим взглядом.

— Остынь, приятель, — мягко, но настойчиво он убрал руку Цицзе от своей шеи, перехватив его за запястье. Сжал пальцы мертвой хваткой — точно так же, как до этого делал сам Цицзе,

словно возвращая должок. — Я вот одного не пойму: ты сюда действительно приехал как на курорт?

Цицзе попытался вырвать руку, но тщетно.

— Мои мысли тебя не касаются! — огрызнулся он, чувствуя себя глупо. Почему рядом с этим человеком он всегда теряет самообладание?

Он снова дернулся, но хватка Ситу Куна была железной. Лента эскалатора двигалась невыносимо медленно, запирая их в тесном пространстве с глазу на глаз. В повисшем молчании отчетливо пахло порохом.

— Пусти! — процедил Цицзе.

— Мне вот просто интересно... — Ситу Кун снизу вверх заглянул ему в лицо, на дне его глаз заплясали опасные искорки. — Почему ты меня так панически боишься?

— Кто еще кого боится! — вспыхнул юноша.

— Стоит мне подойти поближе, как тебя начинает лихорадить. Разве это не страх?

— Бред собачий!

Собрав всю силу, Цицзе наконец вырвал руку и порывисто дернулся назад. Но насмешливый, выжидающий взгляд Ситу Куна заставил его замереть на месте. Отступить сейчас — значит признать поражение. А этого он позволить себе не мог.

Он до боли сжал резиновый поручень эскалатора:

— Находиться с тобой в одном пространстве — тошнотворно. Не зли меня, Кун, иначе...

— Иначе что? — Ситу Кун лишь задорно улыбнулся, его взгляд так и подзуживал продолжить эту игру.

Цицзе смерил его ледяным взглядом:

— Рискни здоровьем. Попробуй поиграть с кадровым военным, если не дорожишь шкурой.

Как всегда, едва противостояние накалилось до предела, Ситу Кун сразу же пошел на попятную. Он умел вовремя отступить. В отличие от упрямого Цицзе, Кун никогда не лез на рожон без крайней необходимости.

— Вообще-то мне с тобой тоже не шибко весело, — шутливо проворчал Ситу Кун. — Нулевое чувство юмора. И вообще...

Взгляд Ситу Куна — льдисто-голубой, колючий, точно зимний сквозняк — приковал к себе Цицзе. Сердце того против воли пропустило удар.

Кун холодно усмехнулся:

— Раз уж я тебе так противен, зачем ты потащился со мной? С твоим-то скверным характером... Вряд ли ты решил просто подлизаться.

«Действительно, зачем?» — этот вопрос Цицзе и сам задавал себе сотни раз.

Разве он не понимал, что от Ситу Куна нужно держаться как можно дальше? Но почему же тогда он сейчас стоит здесь, плечом к плечу с ним?..

Эскалатор наконец доставил их вниз.

В одной старой песне пелось:

“Мы бежим не от расстояний,

И разорвать хотим не друг друга.

И не сердца наши стали чужими...

Просто маски мешают дышать,

Мы пытаемся удержать — и теряем.

Когда любовь совсем близко,

Мы бежим от нее вслепую —

Слишком близко, слишком зыбко,

Слишком страшно смотреть в глаза...”

Это был очередной хит Джессен, ее визитная карточка под названием «Растаявшие в темноте».

Само название альбома казалось странным, даже абсурдным, но именно поэтому намертво врезалось в память.

Все непостижимое манит с удвоенной силой, затягивая в лабиринт загадок. Человеку свойственно копаться в чужих тайнах: чем глубже секрет, тем отчаяннее хочется сорвать с него покровы.

Но когда разгадка близка, кто знает, принесет ли она облегчение или погубит тебя окончательно?

Ситу Кун вопреки ожиданиям оказался непривередливым попутчиком. Простенький стандартный номер в привокзальной гостинице вполне его устроил. Они забронировали две комнаты, но, как назло, даже в этом глухом захолустье местный отель ломился от постояльцев.

— В эти дни в Цицуюе проходит биеннале, так что нашей скромной дыре тоже перепало немного туристического пирога, — заискивающе улыбнулся портье.

Администратор принялся хвастаться, что у них остановилась куча знаменитых художников и дизайнеров. Кун слушал этот треп с откровенной скукой и, проигнорировав восторги служащего, повернулся к черноволосому спутнику:

— Может, снимем один номер на двоих?

— Отвали! Я буду спать один! — отрезал Цицзе.

— Но это же жутко неудобно...

— Пошел ты! Твое удобство — твои проблемы!

— Я имею в виду нашу безопасность...

— Сдохни! Либо берем два номера, либо спишь на коврик в коридоре. Выбирай!

Ситу Кун лишь примирительно развел руками. Портье покосился на парней с явным подозрением. Заметив этот взгляд, Цицзе мгновенно вспыхнул и рявкнул на беднягу:

— Пялишься на что?! Мы не из этих!

— О боже... — Ситу Кун тихо прыснул в кулак, вгоняя товарища в еще большую краску. — Зачем оправдываться-то? Теперь он точно черт знает что подумает.

«Черт, и правда. Сам же все испортил!» — Цицзе мысленно обругал себя последними словами за глупую несдержанность.

— Э-э... господа, если хотите, я поищу свободный двухместный... — робко предложил портье.

— Нет, оформляйте два одноместных, — с издевательской ухмылкой перебил его Ситу Кун. Он явно наслаждался конфузом напарника.

В итоге их расселили по разным этажам.

Заглянув в отельный ресторанчик, они поняли, что гостиница забита влюбленными парочками. Сюда, казалось, съехался весь свет: пестрая толпа щеголяла экзотическими нарядами, отовсюду разносился разноязычный говор, а лица пестрели всеми возможными оттенками кожи.

За угловым столиком синекожая девица нежно прижималась к седовласому старику. Несмотря на косые взгляды некоторых чопорных посетителей, они упивались обществом друг друга, словно молодожены в медовый месяц. Девушка заботливо кормила спутника с вилочки, а тот в ответ преданно целовал ее тонкие пальцы.

Ситу Кун завистливо вздохнул:

— Эх... Была бы сейчас со мной Юань, а не твоя хмурая физиономия.

— Ты сам бросил ее в вагоне, — буркнул Цицзе.

Эти сопливые вздохи вызывали у Шангуаня лишь глухое раздражение. Решив проигнорировать нытье Куна, он сделал глоток терпкого чая с грейпфрутом. Горьковато-кислый вкус приятно освежил горло.

Ситу Кун тем временем лениво листал меню:

— Что закажем? Что ты любишь?

— Терпеть не могу сельдерей, — отрезал Цицзе.

Кун оторвался от меню и с любопытством уставился на него:

— Я спросил, что ты любишь, а ты с ходу выдаешь то, что ненавидишь...

Вечный бунтарь, недовольный всем миром? Кун решил не читать ему нотации — не хватало

еще затеять очередную ссору прямо за обедом.

— Кроме сельдерея — без разницы, — вяло отозвался Шангуань.

Кун мысленно скривился: обедать с этим занудой — сомнительное удовольствие. Сдерживая вздох, он вежливо предложил:

— Как насчет яичницы с томатами?

— Не люблю.

— Омлет с карри и сыром? — Кун упрямо нацепил дежурную улыбку.

— Карри не ем.

— Луковые кольца во фритюре? — Улыбка уже давалась с трудом.

— Гадость...

— ...

«И это у него называется "без разницы"?!» — взвыл про себя Кун. Сам он не отличался покладистым аппетитом, но этот парень превзошел все мыслимые границы капризности.

Кун швырнул меню на стол перед упрямцем:

— Заказывай сам!

Достав сигарету, он раздраженно затянулся крепким дымом, пытаясь унять закипающую злость.

«Что за чертова заноза в заднице? Ни в чем не уступит!» Обычно те, кто пытался перечить Ситу Куну, долго не задерживались на этом свете. А этот суицидник словно нарочно напрашивался на неприятности.

Фортуна — дама капризная: пока один задыхался от злости, второй сидел со спокойным, как у буддийского монаха, лицом.

Шангуань безмятежно забрал меню, быстро пролистал страницы и сделал заказ. Две абсолютно одинаковые порции: горячее молоко с яйцом и классический сэндвич с ветчиной.

Когда заказ принесли, Цицзе ловким движением расколол сырое яйцо о край стакана, вылив тягучий желток прямо в теплое молоко. Слегка взболтал смесь и выпил половину бокала.

Кун машинально повторил все его жесты. Последний штрих совпал с пугающей точностью — он точно так же выпил свой коктейль почти до дна.

— Любишь эту бурду? — спросил Кун, промокая губы бумажной салфеткой.

Цицзе монотонно жевал сухой хлеб с ветчиной:

— Просто привычка. Особого восторга не испытываю.

Закончив фразу, он внезапно почувствовал, как за столом повисла тяжелая, неестественная тишина. Неутомимый болтун Кун внезапно замолчал.

Цицзе вскинул голову. Кун подпер подбородок ладонями и буравил его тяжелым, пронизательным взглядом.

Он прищурился:

— Мы ведь... раньше встречались?

В памяти вспыхнул смазанный образ: беспросветный мрак, сырость, липкий холод... и какой-то едва уловимый, манящий аромат, суть которого ускользала от разума.

"— Тебе нравится эта бурда?"

"—... Да нет... просто привычка"

Нет, таких совпадений не бывает.

— Мы виделись два месяца назад, — отрезал Цицзе, решив, что собеседник паясничает. — У тебя что, склероз начался? Ты спрашиваешь это уже в третий раз!

"Склероз, как же, — мысленно усмехнулся Цицзе. — Он просто вычеркнул меня из памяти за ненужностью. Такие господа не утруждают себя запоминанием пешек"

— Да так, пустяки, — Ситу Кун беззаботно улыбнулся. — Просто на секунду показалось, будто мы уже вели этот разговор когда-то давно... Наверное, дежавю.

В груди Цицзе болезненно кольнуло. Острая, щемящая тоска на миг перехватила дыхание.

— Эй-эй, полегче, у тебя взгляд сейчас такой, словно ты меня прирезать хочешь, — шутливо отпрянул Кун. — Снова наступил на больную мозоль?

— Нет, — буркнул Цицзе.

Спрятав глубоко внутрь внезапно вспыхнувшую злость, он продолжил молча жевать сэндвич, стараясь казаться безразличным. Но на его бледном лице не появилось и тени улыбки.

"Даже не смей вспоминать. Иначе мне придется потребовать с тебя все долги до последнего гроша!"

— Кстати, — Ситу Кун затушил окурок в пепельнице. — Может, назовешь наконец свое имя? Не вечно же мне кричать тебе «эй, ты».

Цицзе потянулся к стакану с молоком, но пальцы дрогнули, и он опустил руку.

Сердце заколотилось как бешеное — гулко, тяжело, отдаваясь в висках. Все тело онемело, скованное внезапным ступором, а губы едва заметно задрожали.

Он стиснул зубы:

— Шангуань, — короткая запинка. С трудом, словно выдавливая из себя признание под пытками, он произнес: — Шангуань Цицзе.

Это была отчаянная ставка в игре, где у него не было ни единого шанса на победу.

— Шангуань... — задумчиво протянул Кун, пробуя имя на вкус. — Шангуань Цицзе... Забавно. В Библии заповедей десять, а у тебя всего семь. Куда же подевались еще три обета?

Он весело рассмеялся. Это значило лишь одно: имя не пробудило в его памяти ровным счетом ничего.

Если это и была игра, то какие ставки они сделали?

Цицзе мысленно горько усмехнулся. Как глупо было верить, что его имя хранит для Ситу Куна хоть какой-то сакральный смысл. Обычные детские фантазии.

"Ты ведь прекрасно понимаешь, насколько он опасен. Так почему же ты все еще здесь, Цицзе? Почему не бежишь без оглядки?"

После обеда Ситу Кун направился на почту. Цицзе, разумеется, последовал за ним.

Они зашли внутрь по очереди. Кун скрылся в дверях первым, велел напарнику обождать на улице. Как только он вышел, внутрь скользнул Цицзе. Ему нужно было проверить конфиденциальную посылку, которую Босс заранее отправила в Порт Хэту — туда, где должен был состояться чемпионат Города Сияющей Ночи по смешанным единоборствам. Закончив с бумагами, Цицзе вышел на крыльцо и застал Куна посреди залитой солнцем площади. Тот застыл как каменное изваяние, тупо уставившись на вскрытый конверт.

Сняв бумагу в кулаке, Кун дождался, пока напарник подойдет ближе, и глухо произнес:

— За нами хвост.

Они быстро миновали пару кварталов. Кун нырнул в ближайшую телефонную будку, а Цицзе остался караулить снаружи. Он привалился к фонарному столбу и закурил, лениво разглядывая прохожих и делая вид, будто его интересуют исключительно симпатичные девушки.

Из-за выставки на улицах городка царило оживление. То и дело мимо проплывали соблазнительные красотки в откровенных летних нарядах. Почуввав на себе оценивающий мужской взгляд, некоторые из них кокетливо улыбались и стреляли глазками в его сторону.

Однако угрюмый вид лейтенанта быстро охлаждал их пыл. Кокетки спешили ретироваться.

Будучи закаленным в боях ветераном спецназа, Цицзе обладал звериным чутьем на опасность. Если Кун не ошибся и за ними действительно следили профессионалы, он должен был уловить их ауру — специфическое, ни с чем не сравнимое напряжение, исходящее от коллег по ремеслу. Но сейчас вокруг было чисто. Абсолютно.

И именно это пугающее затишье заставляло его нервничать.

Кун застрял в будке надолго. Он безостановочно набирал номера, стоя спиной к улице, так что Цицзе не мог разобрать по губам ни слова и даже не понимал, ответил ли ему хоть кто-нибудь на том конце провода.

Цицзе уже докуривал вторую сигарету, когда стеклянная дверь наконец приоткрылась. Кун вышел наружу, устало зачесывая пятерней волосы назад.

Судя по его свободному вздоху, напряжение спало.

— Ну что там? — нахмурился Цицзе.

— Ложная тревога, — слабо улыбнулся Кун. — Кажется, я параноик.

Цицзе не поверил ни единому слову.

Он молча буравил взглядом красивое лицо напарника, выискивая фальшь в его дежурной ухмылке, но тот держался безупречно.

Кун небрежно толкнул дверь будки, и та со скрипом захлопнулась на гидравлическом доводчике.

Внезапно шестое чувство взвыло от смертельной опасности. На сером стекле будки проступил крошечный алый огонек, мгновенно приковавший к себе взгляд.

Цицзе прищурился.

Кровавая точка лазерного целеуказателя плавно скользнула по брючине Куна вверх, переползла на грудь, затем на шею и замерла точно на виске...

Резко развернувшись к крыше здания напротив, Цицзе истошно заорал:

— Ложись!

Раздался тихий, свистящий хлопок. Пуля из винтовки с глушителем прошла воздух в паре сантиметров от головы Куна и с глухим треском вошла в деревянный столб.

Надо отдать должное — рефлексy бойца не подвели Куна. Он мгновенно рухнул на асфальт, закрывая голову руками.

«Хорошо, что он спортсмен...» — мысль пронеслась в голове Цицзе, но времени на облегчение не осталось. На одежде Куна заплясали новые багровые светляки. Второй, третий, четвертый... Все они сбегались к его голове.

Работает целая группа ликвидаторов!

У Цицзе перехватило дыхание. Огоньки застыли. Смерть была в доле секунды от них.

— Убирайся! — выплюнул он, прыгая вперед.

Воздух запел от каскада бесшумных выстрелов. Череда смертоносных хлопков слилась в единый зловещий шелест. Свистящие росчерки распороли пустоту, обжигая кожу ледяным ветром.

Кун повалился навзничь, сбитый тяжелым ударом. Сверху на него мертвым грузом рухнул Цицзе, закрывая своим телом.

Упираясь ладонями в грязный асфальт, Цицзе хрипел сквозь зубы. На его щеке лопнула кожа, и тонкая струйка темной крови медленно поползла к подбородку.

Кун ошеломленно воззрился на спасителя. В его расширенных зрачках читалось изумление, но паники не было.

Правая рука Цицзе судорожно забилась в конвульсиях, подламываясь под весом тела. Пулевые раны мгновенно окрасились густой, липкой жижей.

— Задело? — Кун мгновенно посерьезнел.

Лицо Цицзе исказила болезненная гримаса. Крупные капли пота выступили на лбу, смешиваясь с грязью и кровью. Когда пот попадал в свежую рану, лицо обжигало нестерпимой болью.

— Из пяти... две нашли цель... — прохрипел он. — Правая рука и... и моя...

Нога!

Сам Кун не получил ни царапины. Подхватив раненого под мышки, он попытался подняться, но в этот момент периферийным зрением заметил, как по спине Цицзе скользят роковые красные точки.

Не раздумывая ни секунды, он поволок обмякшее тело товарища за угол телефонной будки. Пули градом забарабанили по асфальту вокруг них, скалывая крошку. Несколько выстрелов в упор пришились на толстое закаленное стекло будки, которая пошла паутиной трещин, но выдержала удар.

Забившись в узкую нишу за стальным каркасом, Кун тяжело дышал. Цицзе висел на нем плетью, уткнувшись лбом в его плечо. Его хрипы становились все более прерывистыми.

— Эй, держись... — Кун осторожно встряхнул парня, но тут же осекся: на его куртке стремительно расплывалось огромное багровое пятно.

— Уходи... — одними губами прошептал Цицзе, оценивая ситуацию с холодной армейской

практичностью. — Я балласт... Не поднимусь...

Кун горько усмехнулся:

— Предлагаешь мне бросить тебя и сделать ноги?

— Я... обуза. Своими ногами не уйду. Будешь тащить меня — поляжем оба.

Железная армейская логика. Если боец тяжело ранен и не может идти, командир обязан принять тяжелое решение: оставить его на произвол судьбы ради спасения выживших и выполнения боевой задачи.

«Какая поразительная верность уставу», — мысленно покачал головой Кун.

Кун быстро оценил обстановку, а затем перевел взгляд на бледное лицо парня. Тот мелко дрожал, синеющие губы беззвучно шевелились, а на щеках запеклась грязь вперемешку с кровью.

Вместо того чтобы отпустить его, Кун лишь крепче сжал объятия.

Это неожиданное тепло заставило раненого приоткрыть глаза. Взгляд его затуманился.

Столь знакомое объятие... Но в этот раз в нем не было издевки. Только странная, несвойственная Куну нежность.

— Одному соваться под пули — чистой воды самоубийство, — небрежно бросил Кун, стараясь говорить легко. — Так что ты мне нужен как живой щит. Мало ли, прикроешь спину, если что.

Цицзе с трудом сфокусировал на нем тающий взгляд. В глазах двоилось.

— Ха... ха-ха... — Из его горла вырвался хриплый, каркающий смех. Словно безумный, он давился собственной кровью, содрогаясь в лихорадочном приступе веселья.

— Ну так тащи мой труп, сучий потрох... — прошипел он, сплевывая багровую пену. — Беги с ним... Эти ублюдки бьют без промаха...

В его зеленых глазах застыли злые, горькие слезы бессилия и давней, невысказанной обиды.

Как там говорилось в древних стихах? «Не трать молодые годы в суете, чтоб на закате дней не плакать о несбывшемся...»

А впрочем, стоило ли злиться? Нет. Кун поступил так, как велел ему долг и происхождение. Люди его круга не знают жалости, они видят лишь шахматную доску. Да и сам Цицзе был не лучше. Он — цепной пес системы, инструмент убийства в руках государства. На его руках столько чужой крови, что рассуждать о морали и сострадании теперь казалось верхом лицемерия.

Винить нужно было лишь собственную глупость. Свою дешевую, плебейскую доверчивость. И то, что в момент, когда Кун прижал его к груди, в его истерзанной душе вдруг вспыхнуло глупое, жалкое...

чувство благодарности.

"Что ж, забирай это израненное тело, если оно тебе так нужно. Будем считать, что этой кровью я выплатил тебе все долги из нашей прошлой жизни!"

<http://bllate.org/book/18305/1759104>